Митрополит Иларион: Русская Церковь молится о том, чтобы на украинскую землю вернулся мир

10 января 2015 года гостем передачи «Церковь и мир», которую ведет на телеканале «Россия-24» митрополит Волоколамский Иларион, стал тележурналист Александр Рогаткин.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы будем говорить о религиозной ситуации на Украине. У меня в гостях – тележурналист Александр Рогаткин. Здравствуйте, Александр!

А. Рогаткин: Здравствуйте, владыка!

На любой войне, прежде всего, страдает мирное население. На войне в Новороссии, Донбассе это очевидно. Разрушены школы, больницы, родильные дома. Страдают еще и храмы. Как это не ужасно, но храм, колокольня с блестящим куполом – очень простая и легкая цель для наводчика. Один казак, который своими силами уже двадцать лет под Лутугино строит храм, мне рассказывал, что на протяжении целого месяца украинские артиллеристы считали, что на этой колокольне находится разведчик-наблюдатель ополченцев, и вели непрерывный обстрел храма. Говорит, Бог уберег, ни одного снаряда не попало.

Но есть храмы, которые разрушены до основания. Это не только православные храмы. В Первомайске практически полностью разрушен храм баптистов. В Новосветловке несколько снарядов попали в купол православного храма. Его сейчас восстанавливают. С этим храмом произошла чудовищная история. Сначала в него согнали жителей Новосветловки, заперли их там на какое-то время, а потом недалеко от этого храма без суда и следствия расстреляли несколько ополченцев, только потому, что у них было в руках оружие. Они попали в плен, их расстреляли, а потом зарыли в нескольких метрах от этого храма.

Владыка, в этой связи, какую позицию должен занимать православный священник? Он должен принимать чью-то сторону? Он видит, что в его храм летят снаряды, к нему приходят раненые ополченцы, страдающие мирные жители. Как ему себя вести?

Митрополит Иларион: Православный священник должен принимать сторону тех, кто страдает. Церковь всегда на стороне тех, кто подвергается насилию, агрессии. Православная Церковь не может занимать ту или иную позицию в политическом или гражданском противостоянии. Что мы сейчас наблюдаем на Украине? Верующие нашей Церкви оказываются и по одну, и по другую

сторону баррикад. Так было, начиная с январских событий.

А. Рогаткин: Получается, что Православная Церковь дважды разделена? Сначала разделена украинским расколом, когда самозваный патриарх Филарет увел часть паствы. Сейчас она разделена этой гражданской войной.

Митрополит Иларион: Мы не говорим, что Православная Церковь разделена. Когда речь идет о расколе, мы говорим, что от Православной Церкви по тем или иным политическим причинам отделились или отошли какие-то люди. Ведь украинский раскол с самого начала был политическим проектом, направленным на разделение между украинским и русским народом. Двадцать с лишним лет назад разделили Церковь, точнее, разделили христиан, потому что, повторяю, мы никогда не говорим, что Церковь внутри себя может разделиться. Мы говорим, что от Церкви могут отойти какие-то люди, группы людей, иерархи.

Сегодня разделено украинское Православие. Сначала разделили народ по вероисповедному принципу, потом попытались разделить по языковому и политическому принципу, а теперь это разделение привело к гражданскому противостоянию, жертвами которого становятся мирные жители. Вот что самое страшное.

Каноническая Украинская Православная Церковь Московского Патриархата не занимает ту или иную сторону в этом конфликте. Она не говорит, что мы с украинской армией или мы с ополченцами, или с той или иной политической силой. Церковь должна быть, с одной стороны, над политической схваткой, но, с другой стороны, вместе со страждущими, с теми, кто являются жертвами.

А. Рогаткин: Вы помните эти кадры с Майдана, когда многие греко-католические священники приняли именно эту сторону? Они выходили вперед с крестами, призывали штурмовать «Беркут». Это было.

Митрополит Иларион: Греко-католическая церковь изначально способствовала развитию этого конфликта, ибо заняла одну из противоборствующих сторон. Я об этом говорил открыто на Синоде католических епископов в Риме в присутствии Папы Франциска. После этого на меня с ругательствами и оскорблениями обрушились все католические средства массовой информации, особенно в Америке, и больше всех греко-католические. Хотя я говорил очень простую вещь, что Церковь не создана для того, чтобы участвовать в политической борьбе. Церковь не может и не должна занимать одну сторону в том или ином конфликте, потому что тем самым мы, во-первых, способствуем разжиганию этого конфликта, а во-вторых, как бы маргинализуем людей, вне зависимости от их количества, которые принадлежат нашей Церкви, но могут занимать

альтернативную политическую позицию. У Церкви вообще не должно быть политической позиции.

А. Рогаткин: А ведь это именно политический конфликт. Если вспомнить захваты храмов Московского Патриархата, то они проходили с флагами партии «Свобода». Их захватывали или для филаретовцев, или, опять же, для Греко-католической церкви. То, что мы видели на Майдане, совершенно не ново. На протяжении двадцати лет все это происходило. С криками "москаляку на гиляку" выбивали двери православных храмов, вытаскивали священников. Мне рассказывал один батюшка в Западной Украине, что буквально сажали на цепь, он просидел несколько дней чуть ли не прикованный. Другой батюшка из Ровно рассказывал, что в 90-е годы, когда ему было лет двенадцать, захватили храм, а его отца сильно ударили по голове. Он слышал: «А что с попёнком делать? Давайте повесим, а то вырастет, в московского попа превратится». А он, говорит, тогда даже не знал, где Москва находится.

Митрополит Иларион: Парадоксальным образом украинская Греко-католическая церковь, глава которой находится в Риме, сейчас позиционируется как национальная церковь Украины. Украинская Православная Церковь Московского Патриархата, которая объединяет большинство православных верующих Украины, позиционируется в националистических средствах массовой информации, в этой пропаганде, как Церковь, которая управляется из Москвы. Значит, из Рима можно управлять Церковью, из Москвы – нельзя.

Фактически Украинская Православная Церковь обладает полной самостоятельностью. Патриарх Московский не управляет Украинской Церковью, она не подотчетна ему ни в финансовом, ни в административном отношении. Сохраняется только молитвенная связь. Мы готовы, например, помогать, когда, даст Бог, начнется восстановление храмов на Донбассе. Конечно, мы будем помогать, чем можем. Но это не имеет отношения к внутренней финансовой жизни Украинской Церкви. Здесь она полностью самостоятельна. В Украинской Церкви самостоятельно избирают своих архиереев, их кандидатуры не утверждаются в Москве. Только когда украинским епископатом избирается Блаженнейший митрополит Киевский, его избрание утверждается Московским Патриархом. Но это, скорее, духовная связь, чем какая-либо иная.

Этой связью мы очень дорожим, ибо речь идет о том духовном единстве, которому более тысячи лет, оно восходит к крещальной купели святого князя Владимира. В наступившем году мы будем праздновать 1000-летие преставления святого князя Владимира. А в 2013 году мы праздновали 1025-летие Крещения Руси.

Когда-то это была единая Русь. На ее пространстве за прошедшую тысячу с лишним лет много раз возникали новые политические границы, но это ведь не означает, что Церковь всякий раз при возникновении новых границ должна делиться на более мелкие части. Если бы мы следовали

такому принципу, тогда в Африке сейчас был бы не один Александрийский Патриархат, а 54 карликовых Православных Церкви. Допустим, Антиохийский Патриархат, который объединяет верующих Сирии и Ливана, должен был бы тогда тоже разделиться.

Церковь объединяет людей не по национальному признаку. Мы очень дорожим тем единством, которое, особенно сейчас, показывает свою актуальность, состоятельность и важность. Когда политики разделяют общество на враждующие стороны, когда военные уничтожают людей, Церковь всех старается объединить и примирить.

А. Рогаткин: Обратите внимание, что украинское религиозное поле достаточно разношёрстное. Там столько всевозможных сект, столько проповедников приезжают с какими-то сумасшедшими идеями. Они уважаются, но только Русская Православная Церковь Московского Патриархата стоит особняком. Ее ненавидят и третируют практически все. Это именно политика. Ничего другого.

Митрополит Иларион: Потому что Русская Православная Церковь становится жертвой пропаганды, политической борьбы, а в зоне военных действий еще и жертвой военного конфликта. Вы привели несколько примеров. У нас есть данные, которые, к сожалению, постоянно пополняются новыми сведениями: погибло 3 священника Украинской Православной Церкви, 62 храма на Донбассе пострадали - одни уничтожены полностью, другие существенно разрушены, некоторые пострадали частично и нуждаются в ремонте. Но это свидетельствует о том, о чем Вы говорили: идет целенаправленная борьба с канонической Церковью, идет атака на Церковь.

Действительно, храмы становятся удобными мишенями. Это огромная трагедия, которая сегодня разворачивается на наших глазах, и мы не можем воспринимать происходящее как случайность. Если идет массированный артиллерийский обстрел, иногда под него могут случайно попасть и храмы; но если речь идет о таком количестве храмов, которые подверглись или полному, или частичному разрушению, то, значит, это целенаправленная кампания. Мы не можем это воспринимать никак иначе.

А. Рогаткин: При том, что там люди – верующие. Когда украинские десантники ушли из луганского аэропорта, ополченцы нам показали все, что те после себя оставили. Вместе с сухими пайками лежали груды греко-католической религиозной литературы. Там было и Евангелие, и Библия, то есть им это специально забрасывали с парашютом.

Митрополит Иларион: Когда я открыто говорю о том, что греко-католики занимают одну из сторон в конфликте, что именно они стояли за событиями на Майдане, когда их просто автобусами

свозили с Западной Украины, чтобы те разожгли межнациональную вражду, то они на это всегда отвечают: «Нет, это не было политическое противостояние. Мы так выражали свою гражданскую позицию». Таков ответ представителей Греко-католической церкви. Нас их ответ не устраивает, ведь если Церковь призвана примирять людей, значит, мы должны быть со всеми страдающими, не становиться на ту или иную сторону, не говорить: эти люди – наши, а те – нет.

А. Рогаткин: Владыка, скажите, а как сейчас обстоят дела с Почаевской Лаврой? Это одна из самых значимых святынь Русской Православной Церкви на Западной Украине. Я помню еще в феврале, когда мы там были, буквально за неделю до событий на Майдане, уже приходили ломать ворота в Почаевскую Лавру. Как сейчас там обстоят дела?

Митрополит Иларион: Такие попытки были, но Почаевская Лавра твердо стоит на страже канонического Православия. Была попытка захвата и Киево-Печерской Лавры, но в этих обителях сильный монашеский дух. Монахи очень хорошо понимают, что такое каноническая Церковь, а что такое раскол. В свое время, когда в VII-VIII веках иконоборческая ересь терзала Церковь, именно монахи встали на защиту святых икон. Сегодня монахи стоят на защите канонического Православия. Я верю, что и Киево-Печерская Лавра, и Почаевская Лавра, и другие монастыри будут и впредь твердо стоять за веру и каноны Православной Церкви.

Примером может послужить то, как вели себя монахи во время событий на Майдане. Когда были выстроены баррикады и готовилось вооруженное противостояние, монахи Десятинного монастыря в Киеве вышли и встали под проливным дождем между двумя враждующими группами, чтобы не дать им схватиться в смертельной схватке. Я думаю, что такой и должна быть позиция Православной Церкви и православного монашества.

А. Рогаткин: Скажите, за последние двадцать лет сколько православных храмов Московского Патриархата было отобрано, уничтожено в ходе этой борьбы?

Митрополит Иларион: Если говорить о тех приходах, которые за последнее время перешли в так называемый «Киевский патриархат», то по их данным таких приходов 30, а по нашим - 10. Но мы должны понимать, как происходит этот переход. Это не добровольное волеизъявление людей и, как правило, все происходит под очень серьезным нажимом.

Приведу пример. Недавно в Ровенской области была подписана декларация о создании единой Украинской Поместной Церкви. Это было сделано под давлением местных властей. Подписал в том числе и архиерей Украинской Церкви Московского Патриархата вместе с раскольничьим лжеархиереем и с униатским епископом. Сразу этот документ вызвал множество вопросов: Украинская Православная Церковь будет создаваться в пределах Ровенской области? Или

униатский епископ готов отказаться от подчинения Папе для того, чтобы войти в единую проектируемую Украинскую Православную Церковь?

А. Рогаткин: То есть, там еще не все понимают, что они подписывают.

Митрополит Иларион: Или не понимают, что подписывают, или это происходит под давлением. В результате, очень скоро православный епископ свою подпись дезавуировал, униатский епископ последовал его примеру, а губернатора того сняли. Вот вам и конец этой истории. В данном случае речь идет об очень серьезном давлении.

Если говорить о так называемом волеизъявлении людей, мы видели репортаж, когда ходят люди с урнами для голосования; приходят к какой-нибудь бабушке, которая еле-еле слышит, и ее спрашивают: Ты – украинка? Да, я – украинка. Ты – за Киев? Да, я за Киев. Подпиши бумажку. А твои родственники сейчас где? Их нет. А ты можешь за них подписать? Могу. Происходит просто профанация. В итоге получается так, что приходы канонической Церкви передают этим раскольничьим объединениям.

Конечно, это не массовый процесс, а единичные случаи, и надо надеяться, что этот процесс прекратится. Прежде всего, он прекратится тогда, когда наступит мир на Украине, о чем мы молимся за каждой Божественной литургией. И не только Украинская Православная Церковь Московского Патриархата, но и вся многонациональная и многомиллионная Русская Церковь молится о том, чтобы на украинскую землю вернулся мир. Это наше самое горячее желание. Это то, о чем мы просим Господа в начале нового года, чтобы 2015 год принес нам долгожданный мир.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/50748/